ПОЭТОГРАД

№ 8 (109)
Февраль
2014

Народная литературная газета

Газета Союза писателей XXI века и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»

Газета выходит с 2010 года 4 раза в месяц

В номере:

Тени Салтыкова-Щедрина

Андрей Баранов «На этих древних берегах»

Сергей Бирюков: «Евгений Степанов. Жанры и строфы современной русской поэзии»

Ирина Голубева «С точки зрения воды»

Алексей Чернец «В эпохи переходные»

Владимир Новиков «Непобедимость рассвета»

Пьедестал Поэтограда

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПОЭТ РОССИИ

ИГОРЬ АЛЕКСЕЕВ (1959—2008)

* * *

Легко признаюсь в недостатке ума.
И прячусь от дел под предлогом недуга
телесного. Но, в завершении круга
земного, я рад, что проходит зима.
Безумные птицы звенят в небесах.
Февраль-бокогрей затевает интригу
противу сугробов, и в тертом индиго
подходит весна с ветерком в волосах.

Весна — это тетка с таким куражом,
что можно вздохнуть и не думать
о страшном.
И тяжко бухнуть в окруженье алкашном,
опасно играя десантным ножом.

Но тут же подумаю: что за мечта?
слюну плотоядную кротко и скупо
сглотну над тарелкою постного супа,
склонившись как раз накануне Поста.

(Стихотворение из журнала «Дети Ра» № 8, 2006)

ПОЗДРАВЛЯЕМ

ЗОЛОТО, СЕРЕБРО, БРОНЗА АНТОНА ДЕЛЬВИГА

29 января в Атриуме Государственного музея им. А. С. Пушкина состоялась официальная церемония вручения Всероссийской литературной премии имени Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству», учрежденной «Литературной газетой».

Премия имени Дельвига меняет культурный ландшафт России, разбивает кривые зеркала нынешнего литературного процесса, где зачастую белое называется черным, а черное белым. Слишком много сейчас выдуманных героев тусовок, пропиаренных «голых королей» поэзии и прозы.

Премия Дельвига вручается за истинные заслуги в области литературы и подвижнического труда. На сегодняшний день это самая крупная литературная премия России. Общий призовой фонд — 7 миллионов рублей.

Лауреатами 2013 года стали:

«Золотой Дельвиг»: Лариса Васильева. Евдокия Московская: М.: Бослен, 2012; Андрей Дементьев. Все в мире поправимо... М.: ЭКСМО, 2013; Александр Проханов. Время золотое. М.: Центрполиграф, 2013

«Серебряный Дельвиг»: Вячеслав Ар-Серги. Вслушаться в себя... Ижевск, 2012; Владимир Бондаренко. Лермонтов: мистический гений. М.: Молодая гвардия, 2013. Серия ЖЗЛ; Канта Ибрагимов. Академик Пётр Захаров. Грозный, 2013; Бахытжан Канапьянов. Алма-яблоко. Лирика. Алма-Ата, 2012; Сергей Шаргунов. 1993. Семейный портрет на фоне горящего дома: М.: АСТ, 2013; Юрий Щербаков. Переводы. Элиста, 2012

«Бронзовый Дельвиг»: Юрий Беликов. Я скоро из облака выйду. М.: Вест-Консалтинг, 2013; Игорь Гамаюнов. День в августе: М.: МИК, 2012; Юрий Любимов. Песенка про осень. М.: Олма-пресс, 2013; Вячеслав Огрызко. Лица и Лики. Литература малочисленных народов Севера и Дальнего Востока. В 2-х томах. Литературная Россия, 2013; Евгений Степанов. Жанры и строфы современной русской поэзии. Версификационная практика поэтов XX и XXI веков. В 3-х томах. М.: Вест-Консалтинг, 2013; Лидия Сычёва. Три власти: М.: ИТРК, 2013

«Молодой Дельвиг»: Евгений Рудашевский. Намаскар: здравствуй и прощай. М.: Геликон плюс, 2013; Анна Федорец. Савва Морозов. М.: Молодая гвардия, 2013. Серия «ЖЗЛ».

В этом году премию вручали выдающиеся деятели литературы и искусства Юрий Поляков, Олег Попцов, Николай Губенко, Владимир Конкин, Борис Токарев и другие.

Евгений Степанов получает «Дельвига»

Получая «Бронзового Дельвига» из рук директора Атриума Государственного музея им. А. С. Пушкина Евгения Богатырева, главный редактор «Литературных известий», филолог и поэт Евгений Степанов сказал:

— Эта награда — не только мне, а всему поэтическому сообществу страны. Ибо в моем трехтомном (почти 1000-страничном) исследовании представлены стихи десятков замечательных (и максимально разноплановых!) поэтов из городов и весей России и дальнего зарубежья. Я благодарен редакции «Литературной газеты», оргкомитету премии имени Антона Дельвига за внимание к моему скромному труду, благодарен Союзу литераторов России и Общероссийскому народному фронту за материальную помощь в издании книги. Особые слова признательности хочется сказать моему литературному наставнику, доктору культурологии Сергею Евгеньевичу Бирюкову, который более 30 лет назад открыл мне мир русского поэтического авангарда, а его книги «Зевгма» и «Року укор» стали для меня учебными пособиями.

Сейчас я хорошо знаю: все авангардные традиции основаны на фольклоре, мы, современные поэты, только развиваем традиции прошлого, пытаясь их понять и творчески переосмыслить.

Россия не всегда сильна в экономике, но была и есть сверхдержавой поэзии. Более того, лучшие прозаики начинали как поэты. Писали замечательные стихи Тургенев и Бунин, начинал как поэт Юрий Поляков, я помню его яркие стихи, которые печатал много лет назад в легендарном журнале «Юность» наш «золотой» лауреат Андрей Дмитриевич Дементьев. Поэзия — это то, что объединяет страну, делает ее единой и могущественной. Русская поэзия — это главная национальная идея. Я в этом глубоко убежден.

После официальной части состоялся праздничный банкет.

Сергей КИУЛИН

ПЬЕДЕСТАЛ

ТРИ КНИГИ НЕДЕЛИ

Еженедельно в рубрике «Пьедестал: три книги недели» — лучшие книги, выпущенные как издательским центром «Вест-Консалтинг», так и другими издательствами нашей страны. Это наш пьедестал почета — книги, которые мы рекомендуем вам, уважаемые читатели!

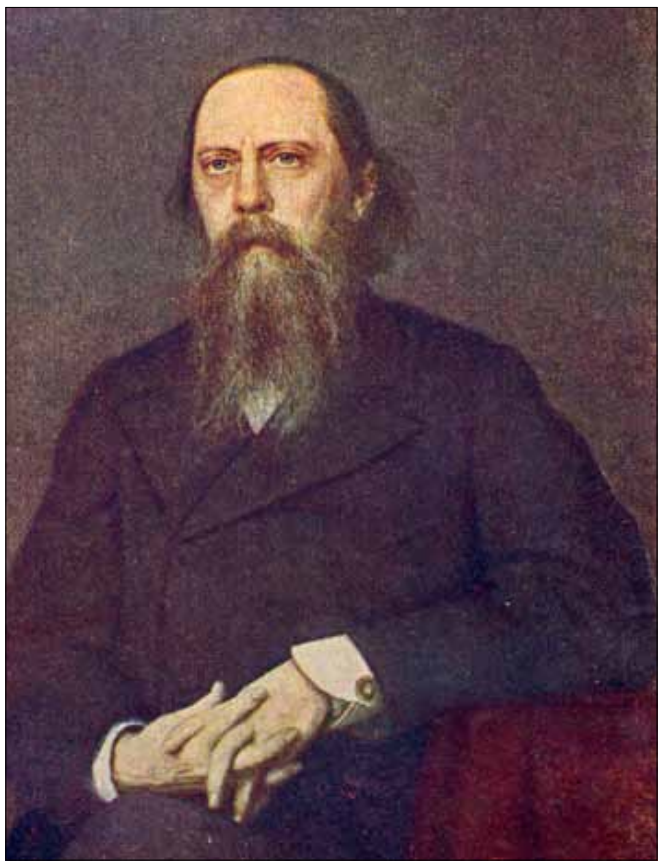
Алла Красникова «Я у тебя не спрашивала имя» М.: «Вест-Консалтинг», 2014

Павел Рыков «Излом» М.: «Вест-Консалтинг», 2014

Рустэм Хисматуллин «Лирика» М.: «Вест-Консалтинг», 2014

ЮБИЛЕИ ПОЭТОГРАДА

ТЕНИ САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА



27 января 1826 года в семье потомственного дворянина Евграфа Салтыкова появился на свет шестой ребенок – Михаил. Спустя тридцать лет, наиболее влиятельный журнал второй половины XIX века «Русский вестник» опубликует «Губернские очерки» этого мальчика под псевдонимом Николай Щедрин, а в историю мировой литературы он войдет в образе непримиримого обличителя творящегося в стране беззакония под именем МИХАИЛ ЕВГРАФОВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН.

ТЕНЬ МРАЧНОГО ЛИЦЕИСТА

Первые литературные опыты Салтыкова были крайне бездарны. Однако умение правильно вести себя в кругу сверстников, страстность суждений, граничащая с безапелляционностью и хамством, вкупе с юношеской любовью к поэзии сделали свое дело. Будучи учеником Царскосельского лицея, он снискал себе славу первого поэта курса, а в кругу близких родственников получил прозвище «Мрачный лицеист».

В те годы призрак Александра Сергеевича Пушкина бродил по коридорам Царскосельского, не давая ни секунды покоя молодым лицеистам. Силясь превзойти именитого предшественника или, на худой конец, овладеть хотя бы малой толикой его поэтического дара, они, будто соревнуясь друг с другом, пописывали стихи сомнительного (период полового созревания, сами понимаете) содержания. Подражание Пушкину не ограничивалось пробой пера. Бытовало мнение, что Александр Сергеевич был неуважителен к окружающим, много выпивал, небрежно одевался. Молодежь старалась не уступать ему даже в этом. Лучшим среди прочих был Михаил Салтыков.

За период учебы в лицее и первые два года после его окончания (1841-1845 гг.) Михаил Салтыков опубликовал одиннадцать стихотворений в журналах «Библиотека для чтения» и «Современник». Публикации прошли незамеченными. Стихи ничем не отличались от псевдоромантических изысков всей пишущей братии. П. А. Плетнёв, возглавлявший тогда «Современник» и принявший к публикации стихи серьезно настроенного молодого литератора, как бы оправдывая свой поступок, писал известному поэту и переводчику того времени Дмитрию Коптеву, что разместил стихи Салтыкова в журнале по удобству, поскольку они прекрасно заполняют праздные полосы. А поскольку опубликованные тексты чересчур беспросветного толка, становится понятным, что Плетнёв воспринимал их, скорее, как пародию на тогдашние поэтические пристрастия, ставящие во главу угла злую печаль, уныние и осознание бессмысленности бытия. Проявление искренних чувств мрачного юноши там не читалось.

ТЕНЬ ПРОТИВОРЕЧИЯ

По окончанию Царскосельского лицея Михаила Салтыкова направляют на службу в канцелярию военного министерства, где он буквально через пару лет получает штатную должность помощника секретаря. Тот период, когда Россию то и дело сотрясает великий дух французской революции. Политическая активность враждебных по отношению к существующему монаршему трону привилегированных сословий грозит вылиться в повторение исторических событий, произошедших во Франции в конце XVIII века.

Михаил Салтыков по началу поддается модным веяниям, общается с видными литераторами, участвует в кружке петрушевцев, вошедших в историю во многом благодаря описанной Ф. М. Достоевским и потрясшей современников инсценировке смертной казни. Но постепенно Михаил Салтыков теряет интерес к петрушевцам. В нем пока еще борются два начала: исполнительность, обязательность чиновника – первое и второе – мягкотелость, безразличие не нашедшего себя молодого человека, выражающееся в подавленном состоянии духа. С одной стороны, у него хорошо получается делать то, к чему душа совсем не лежит, а с другой – он как бы не считает нужным сопротивляться сложившимся обстоятельствам.

Это состояние хорошо передано в первой повести Салтыкова-Щедрина (опубликована в «Отечественных записках» под псевдонимом М. Непанов, 1847 г.) «Противоречие». Один из персонажей повести – Нагибин, не в силах противиться влиянию окружающей среды, уныло плывет по течению жизни.

1848 год. Европа содрогнулась от Февральской революции во Франции.

Не въезжая в поднимаемую неким Непановым проблематику, Белинский назовет «Противоречия» чем-то вроде непроходимой глупости отягченного куриными мозгами молодого человека. Пытаясь более внятно изложить начатую в первой повести тему, Салтыков-Щедрин напишет и опубликует (1848 г.) вторую – «Запутанное дело», которая не принесет ему литературной славы, но подарит несколько лет ссылки за вольнодумие. Задетое самолюбие не позволит браться за перо целых восемь лет, а когда обида поуляжется и Салтыков-Щедрин вернется к литературной работе, написанное им будет, подобно непробиваемому панцирю, защищено аллегориями, острой сатирой, порой доходящей в своей изощренности до абсолютного цинизма.

ТЕНЬ ЧИНОВНИКА ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ

Как ни странно, ссылка, куда был отправлен Салтыков-Щедрин в апреле 1848 года, вместо того, чтобы породить новый приступ уныния, дала старт его небывало быстрой карьере чиновника. По прибытии в Вятку он определяется канцелярским чиновником, по сути, курьером, переписчиком бумаг – человеком «принеси-подай», «что вам будет угодно». Однако осенью этого же года исполнительного Салтыкова назначают уже главным чиновником по особым поручениям в аппарате губернатора Вятки, а затем заведующим губернаторской канцелярией. Спустя полтора года, его повышают до должности советника губернского правления. Согласитесь, такой рост по служебной лестнице высланного из Петербурга за вольнодумие заставляет усомниться в порядочности Салтыкова, особенно если переложить произошедшее на современные реалии, когда понимаешь, что многие мелкие провинциальные чиновники, находясь далеко за пределами столичного общественного контроля, выполняют функции удельных князей, берут взятки, бесчинствуют, творят что хотят, не боясь при этом ни народного гнева, ни, фигурально выражаясь, божьего суда.

Странность усугубляется тем, что по приезду из ссылки (1855 год) «вольнодумец» Салтыков назначается чиновником по особым поручениям при Министре внутренних дел, а потом командируется с проверкой делопроизводства комитетов

РЕКЛАМА ПОЭТОГРАДА

МАГАЗИН ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Открыт новый интернет-магазин издательства «Вест-Консалтинг» –

WWW.LITLAVKA.RU

Здесь книги можно приобрести по ценам издательства.
Доставка по Москве в течение 1 дня.
Тел. для справок: (495) 971-79-25

КЛАССИКИПОЭТОГРАДА

ТЕНИ САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

ополчения в Тверскую и Владимирскую губернии, что, заметьте, происходит в период Крымской войны, когда любое маломальское вольнодумие несло в себе смуту, нарушение дисциплины и могло дорого обойтись всей Российской империи.

Пребывание в ссылке и командировки по российским глубинкам легли в основу целого цикла прозаических произведений «Губернские очерки», который Михаил Салтыков опубликовал под псевдонимом Николай Щедрин в 1856 году. В этом цикле высмеивается чиновничий быт, где взятки, бюрократия и всевозможное злоупотребление властью являются такой же рутиной, обыденностью, как любая предписанная

официальными положениями, однообразная и ежедневная, доведенная до автоматизма работа чиновника.

Опять же, если переложить случившееся на сегодняшние реалии, то можно представить, что произойдет с чиновником, который попытается где-либо высказаться о том, что творится в его же собственной среде, в мире таких же, как он, людей. Фактически, Салтыков-Щедрин пошел против сформировавшейся к тому времени системы, подорвал царившие устои, придал огласке процветающие пороки, негласные законы и правила, призванные блюсти покой типичного русского чиновника, не обремененного нравственностью и моралью.

И снова: опять же, в назидание сегодняшним реалиям, Салтыкова-Щедрина никто не предал анафеме, его не закрыли в местах не столь и столь отдаленных, не состряпали в отместку против него никакого уголовного дела, не публиковали в печати никакой компрометирующей его информации, наоборот, повысили в должности до вице-губернатора Рязани (1858), а через два года перевели в Тверскую губернию.

Дух французской революции по-прежнему витал над Россией. В народе вице-губернатора Салтыкова называли вице-Робеспьером.

Апогей чиновничьей карьеры Салтыкова-Щедрина. Четырнадцать лет на государственной службе, половину из которых он значился как политический ссыльный. Каково?

ТЕНЬ ПОЛИТИКА

Попробуйте определить политические предпочтения Салтыкова-Щедрина. Не удастся. Его в равной степени любили и ненавидели демократы и либералы, черносотенцы и социалисты. От него доставалось и погрязшему в природной лености простому люду, и помещикам, сколотившим свое состояние на рабском труде крепостных. Берущий взятки был равен дающему их.

В 1914 году в архивах Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина была найдена пьеса «Тени», до тех пор неизвестная, никем не читаная, нигде, даже самим автором в автобиографических записках, ни разу не упомянутая. Пьеса датирована 1857 годом. Руководству Литературного фонда удалось добиться разрешения на ее постановку в Мариинском театре к 25-летней годовщине со дня смерти писателя.

Пьеса провалилась. Имела шквал негативных рецензий от политизированных (представителей разных политических партий) театральных критиков той предвоенной эпохи. В Салтыкове-Щедрине, к сожалению, по уже сложившейся традиции видели только обличителя безнравственности, не замечая в нем тонкого мыслителя. В пьесе «Тени» на банальном сюжете о взятках он сталкивает либералов и демократов, но не наблюдает за растущим между ними конфликтом, скорее, делает упор на идентичности мировоззрения обеих сторон.

Единственная политическая партия, которой удалось всецело присвоить себе Салтыкова-Щедрина — коммунистическая партия Советского Союза. Гипертрофированный реализм писателя преподносился как документальная проза периода единовластия — монархии, что, согласитесь, работало на имидж новой страны, очерняло царский режим. Однако советские литературоведы старались не упоминать о резком осуждении Салтыковым убийства Александра Второго.

ТЕНЬ ДУРАКА

Начиная с 60-х годов, Михаил Салтыков становится постоянным автором «Современника», а в 63-м входит в состав редакторов журнала. Оставляет государственную службу и планирует посвятить себя большой литературе. Он широко известен в узких писательских кругах, его любят и уважают, он рука об руку работает с по-настоящему литературной звездой того времени Николаем Некрасовым.

Кажется, вот оно счастье, да не тут-то было. Некрасов заваливает Салтыкова окололитературной поденкой, тот пишет пустые рецензии на пустые книги, делает ни к чему не обязывающие обзоры ни к чему не обязывающих мероприятий, тратит свой дар на преодоление нравственных и материальных терний журнального мира. Жизнь повторилась. Из-за финансовых трудностей Салтыков был вынужден хорошо делать то, к чему душа не лежала и не считал нужным менять... Нет, на этот раз ему достало сил. После того, как цензор в очередной раз не пропустил к публикации один из его рассказов, Салтыков заявился в редакцию журнала в ужасном раздражении и начал поносить русскую литературу, высказываясь о том, что чиновничья служба имеет огромные преимущества в сравнении с писательской, о том, что скоро околеет с голоду и о том, что только истинные дураки могут посвятить свою жизнь литературному труду.

После учиненного в редакции скандала, Салтыков-Щедрин уходит из журнала, надеясь больше никогда не возвращаться к литературе, и поступает на государственную службу в должности управляющего пензенской казенной палаты. Три года молчания.

ТЕНЬ РЕДАКТОРА

Новое молчание вылилось в воистину мощное литературное наследие.

«Современник» по высочайшему указу закрывают, а Николая Некрасова назначают главным редактором «Отечественных записок», куда тот, в свою очередь, приглашает работать Салтыкова-Щедрина. Михаила Евграфовича долго уговаривать не пришлось: в 1868 году он возвращается к литературе в качестве руководителя отдела (беллетристика) обновленного журнала. По смерти Некрасова «Отечественные записки» возглавит Салтыков.

За годы работы в этом журнале Салтыковым будут написаны лучшие литературные произведения, вошедшие в золотой фонд русской словесности. Хочется уделить особое внимание его редакторской работе. Ходили слухи, что львиная доля всего того, что было напечатано в «Отечественных записках» подвергалось Салтыковым жесткой правке, чуть ли не переделке. Читатели недоумевали, когда замечали, что уровень авторов публикующихся у Салтыкова разительно отличается (в лучшую сторону) от публикаций тех же авторов, но в других изданиях.

Как ответственный редактор, помимо чисто корректорской работы, Салтыков-Щедрин вытравливал лишних персонажей, поправлял слог, менял местами абзацы, переписывал финалы, ставил иные акценты в сюжетных линиях, перестраивал композицию. Здесь даже представить невозможно, какой титанический труд приходилось проделывать. И, что самое главное, авторы оставались довольны тем, как были переработаны их произведения. Хотя, как знать, как знать... Весной 1884 года бывший автор «Отечественных записок», ставший главным цензором России — Евгений Феоклистов, подпишет распоряжение о закрытии журнала.

ТЕНЬ ВЕЛИКОГО ОБЛИЧИТЕЛЯ

С кончиной «Отечественных записок», лишенный возможности посредством журнала напрямую разговаривать с людьми, будто онемевший, Салтыков-Щедрин — Великий обличитель потихонечку угасает. В шестидесятитрехлетнем возрасте (1889 год) его похоронят на Волковом кладбище.

Но, как писал пробудивший в Салтыкове-Щедрине бесконечную любовь к литературе Александр Сергеевич, «весь я не умру». Тень Великого обличителя и по сей день бродит не только по страницам литературных и окололитературных журналов, но и по ныне популярным социальным сетям. Куда ни глянешь, везде обнаружишь ее следы. В Живом Журнале она зависает над постингами блогеров, борющихся с коррупцией, мздоимством и «роспилом» бюджетных денег, на Фейсбуке по-стариковски брюзжит голосами новой русской интеллигенции, в Вконтакте веселит молодежь цитатами из собственных произведений. Дело его живет, и Россия живет все теми же проблемами, которыми жила полтора века назад. Да и с русской литературой все без изменений. Чиновничья служба много прибыльней.

Дмитрий АРТИС

СОБЫТИЕ ПОЭТОГРАДА

ЖЕНЩИНА В СОСЕДНЕЙ КОМНАТЕ

Вышла в свет новая книга рассказов Евгения Степанова!

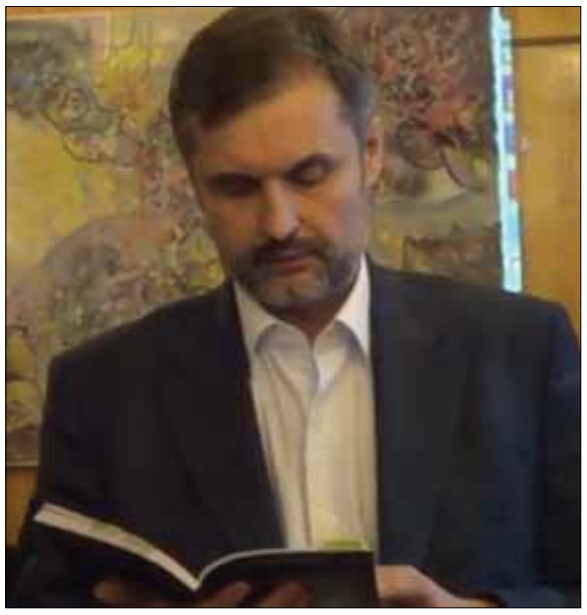
В январе 2014 года на прилавки магазинов поступила новая книга московского поэта и прозаика Евгения Степанова «Женщина в соседней комнате».

Пресс-служба издательства «Вест-Консалтинг»

СПРАШИВАЙТЕ В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ «МОСКВА», «ФАЛАНСТЕР», «БИБЛИО-ГЛОБУС» И WWW.LITLAVKA.RU

ЖИТЕЛИ ПОЭТОГРАДА

АНДРЕЙ БАРАНОВ
НА ЭТИХ ДРЕВНИХ БЕРЕГАХ



DELETE

Сегодня вполне достаточно
кнопку нажать не ту,
чтобы в одно мгновение
сгинуло без возврата
облако нашей памяти,
мыслей и чувств
в черную пустоту
куда-то.

* * *

В дождь московские небоскребы,
точно невиданные чудовища,
щерятся из тумана миллионом стеклянных глаз,
будто охраняют от нас неведомые сокровища,
бесчисленные сокровища скрывают от нас.

А мы рядом с этими монстрами такие
маленькие и неказистые,
такие жутко несовершенные лилипуты
великаньей страны
со своими одышками, животами, детьми и прописками,
со своими баулами и канистрами, комплексами вины.

Ох уж мне эти комплексы бесконечные!
Вечно каемся за чье-то похмелье в чужом пиру.
А они, ни о чем не ведая, все растут и растут, беспечные,
скоро вырастут окончательно и всех нас сожрут.

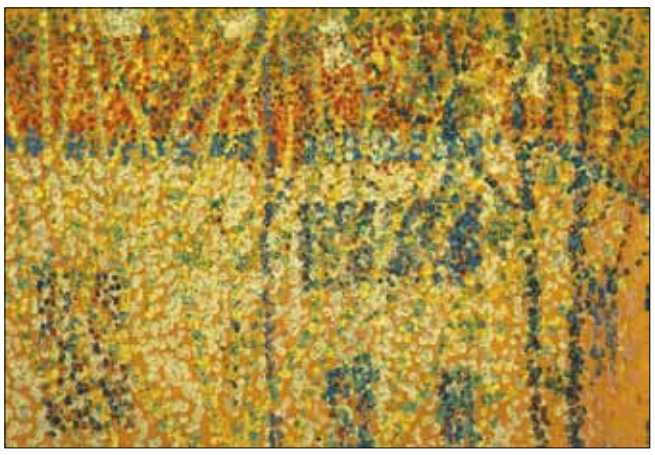
Так и кончится наша странная, несуразная цивилизация,
где любили сидеть на кухнях, пели песни и пили чай.
Ей на смену идет другая, где не смыслы, а информация,
где не отдых, а рекреация… Выходи-ка ее встречай!

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ОСТРОВЕ КРИТ

Моей судьбой пренебрегая,
язык не понимая мой,
смотрела родина другая
в глаза мне синей глубиной.
Морской волной и теплым ветром
ласкала мой усталый слух
и размягчала незаметно
мой сумрачный славянский дух.
Мне так хотелось поселиться
на этих древних берегах,
где в небе гордая орлица
на грызунов наводит страх.
Где веют скалы и пещеры
седой античной стариной
и древнеримские галеры
вдруг возникают предо мной.
Где в пестрой замяти астральной,
кружащейся над головой,
такой казалась нереальной
Россия с матушкой-Москвой!
.....
Вперед переводя часы, я
слежу за трассами дождя.
Ну, здравствуй, сирая Россия!
Куда ж деваться от тебя?

ГРАНИЦЫ. СОН ВНУТРИ СНА

Была страна – большой просторный дом,
но вот повсюду пролегли границы,
порой мне кажется, что это только снится.
Проснусь – и посмеюсь над этим сном.
Пойду куплю до Таллина билет,
чтоб дать разрядку напряженным нервам.
И мне помашет флагом Длинный Герман,
а Старый Томас передаст привет
Васильевскому острову, Кремлю...
Я поброжу по Таллину без спешки,
потом, зависнув в маленькой кафешке
на Татари, немного задремлю.
И мне под утро странный сон приснится
о том, что больше нет моей страны,
ее на части рассекли границы...
И я проснусь с сознанием вины.



И НЕ ЧИТАЮ КНИГ

Я долго книги мудрые читал.
В них уносился в мир иных событий.
Как много откровений и открытий
я на полях страничных отмечал!

Днем вел меня к обрыву Гончаров,
под вечер Бунин в темные аллеи,
и паруса над городом алели,
сменяя силуэты облаков.

Я вместе с Кафкой проходил процесс,
был другом каторжанам в мертвом доме,
купал коней в роскошном тихом Доне
и защищал с Вихровым русский лес.

Я много жизней прожил, чувств и вер.
Мне все казалось, что пора настанет –
и жизнь моя прекрасной сагой станет,
как песнь о Нибелунгах, например.

Но жизнь проходит грустно и светло,
и в ней так ничего не происходит,
и я слежу за осенью в природе
сквозь матовое тонкое стекло

и не читаю книг…

НОСТАЛЬГИЯ

Отшумели дожди, отзвенели капели,
мои певчие птицы на юг улетели,
отгорели костры, отпылали закаты,
облетели цветы, увяданьем объяты.

В тихих улочках города пережитого,
где во двориках прячутся тени былого,
сам похожий на тень, я брожу, вспоминая,
как когда-то здесь жизнь протекала иная.

Здесь сидели друзья на перилах подъездных
(прежде нужный для всех – я теперь бесполезный),
здесь девчонки смеялись, глазами встречая
(а теперь от стены-то с трудом отличают).

Помню, пьяные от нестерпимой свободы,
мы бежали на Волгу встречать теплоходы –
их так много тогда приходило на пристань.
И казалось, так будет и ныне, и присно…

Вот однажды (так мы увлеченно мечтали)
мы на них уплывем в чужедальние дали –
и вернемся с оркестром, под звон колокольный.
Я вернулся. Так что ж мне так грустно и больно?

Все, кто прежде здесь жил, все куда-то пропали…
Проржавевший баркас на забытом причале.
Блеск холодной воды. Запах рыбы и тлена.
Тишина. Только время пульсирует в венах.

ЛУЖА. ВОСПОМИНАНИЕ ДЕТСТВА

Лужа была океаном,
только немного уже.
Было страшно и странно
стоять посредине лужи.
Ловить облаков дирижабли
на фоне небесной сферы,
пускать по волнам кораблик,
склеенный из фанеры.
И, управляясь ловко
палками, словно веслами,
спорить с соседским Вовкой,
о том, как мы станем взрослыми...

ОСЕННИЙ ТОПОЛЬ ЗА ОКНОМ

Не пишется ни о чем,
на ум не идут слова,
уткнувшись лицом в плечо,
лежит моя голова.

За окнами мокрый снег,
переходящий в дождь,
и тополь, как человек,
стоит неказист и тощ.

А был бы он человек,
зашел бы ко мне давно,
я дал бы ему ночлег,
поставил на стол вино.

Мы выпили б с ним вина,
и стало бы нам теплей.
Ведь осень для всех одна,
не только для тополей.

СПАСИТЕЛЬНО НИСХОДИТ В МИР МОЛЧАНИЕ

Да, этот мир был сотворен из Слова,
но сохранить реальности не смог.
В пустых словах он исчезает снова,
которые давно уже не Бог.
Под нудный рэп тупого одичания,
под ложь вельмож и пропаганды вой
спасительно нисходит в мир молчание,
как долгожданный штиль перед грозой.

2013

СОБЫТИЕ ПОЭТОГРАДА

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ. ЖАНРЫ И СТРОФЫ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ.

Версификационная практика поэтов XX и XXI веков. В 3-х т. Москва: Вест-Консалтинг, 2013

Работа такого рода, которую выпустил в свет Евгений Степанов, ценна прежде всего тем, что она стимулирует на поиск. В истории новейшей русской поэзии, например, такими стимулирующими проектами уже были «Поэтический словарь» А. П. Квятковского, «Русский стих» М. Л. Гаспарова, «Литература формальных ограничений» Т. Б. Бонч-Осмоловской, а также антологии верлибра, палиндромической поэзии... Ну и автор этих строк тоже не остался в стороне с «Зевгмой» и «Року укором». Работа Е. В. Степанова показывает, что поиск может быть продолжен и расширен. Поэзия постоянно ветвится. Но чтобы она ветвилась еще интенсивнее, почву надо профессионально обрабатывать. Именно этим занят поэт-исследователь Евгений Степанов, который не только собирает и описывает коллекцию форм, но и сам постоянно добавляет собственные примеры. Это своего рода поэтическая селекция, направленная на улучшение вида!

Могут сказать, что по ряду форм, представленных в трехтомнике Степанова, существуют исследования, выходили антологии. Это так. Но время идет, и накапливаются новые тексты. Кроме того, сам Евгений Степанов в своих журналах «Дети Ра», «Футурум АРТ», «Другие» стимулировал обращение авторов к формам, которые в результате составили предмет его исследований. Вообще же надо бы поставить за правило хотя бы раз в пять лет пересматривать современное поэтическое хозяйство в специальных исследованиях. А то ведь, если судить по основным журналам, у нас сплошной ямб, уложенный в кирпичики четверостиший!

Работа Е. В. Степанова показывает, что это далеко не так. Оказывается, мы живем в эпоху необыкновенного разнообразия стиховых вообще и поэтических форм в частности. Однострок, дистих, терцет, катрен, пятистишие, восьмистишие, танкетки... Пристрастие разных авторов к минималистским формам не случайно, век нанотехнологий требует компрессии мыслечувств. И очень интересно, что это происходит на поле вроде бы вполне традиционных форм. Мне уже приходилось писать о том, что довольно часто и в историческом, и во внеисторическом авангарде происходит актуализация и переакцентуация как раз традиционных форм. Например, это происходило с такой идущей из глубины веков формой, как палиндромия. Весь XX-й век в России эта форма то выныривая на поверхность, то снова прячась, была каким-то фантомом русской поэзии. К сегодняшнему дню палиндромическое волнение стало спокойнее, оно введено в русло, в том числе исследованиями А. В. Бубнова. И, тем не менее, палиндромический раздел в исследовании Е. В. Степанова чрезвычайно важен, поскольку показывает, как поэтическое начало взаимодействует с непоэтическим и задает параметры новых поисков в практике и в описании практики.

То же можно сказать о разделе одностроков, здесь Степанов дает интересную формулировку «однострочной поэзии». Это такое произведение, которое имеет «в своей основе метафору, образ или другой троп» и «обладает авторской интонацией». В принципе это определение можно распространить на поэтические произведения вообще. Но в случае одностроков особенно важно отграничить однострочные хохмы от поэтических высказываний. Думается, что над этим еще предстоит нам всем потрудиться...

Но вот такая форма как сонет. Не только суровый Дант не презирал сонета, но и последний графоман... Е. В. Степанов находит новый подход к современной сонетной форме. Он показывает на конкретных примерах, что это отнюдь не застывшая форма, что с ней можно работать очень нестандартно.

Мне кажется вообще очень плодотворным обращение исследователя к таким формам, которые как бы подразумевают некую стандартность. Например, Степанов убедительно показывает, как трансформируются под пером или клавиатурой ищущих авторов частушка, эпиграмма, пародия. В разделе «Эпиграмма» приведено множество интереснейших текстов. Например, совершенно великолепны и выдержаны в традиции эпиграммы Фёдора Мальцева. Их хочется постоянно цитировать. Скажем вот такая эпиграмма, обращенная к Ольге Ермолаевой:

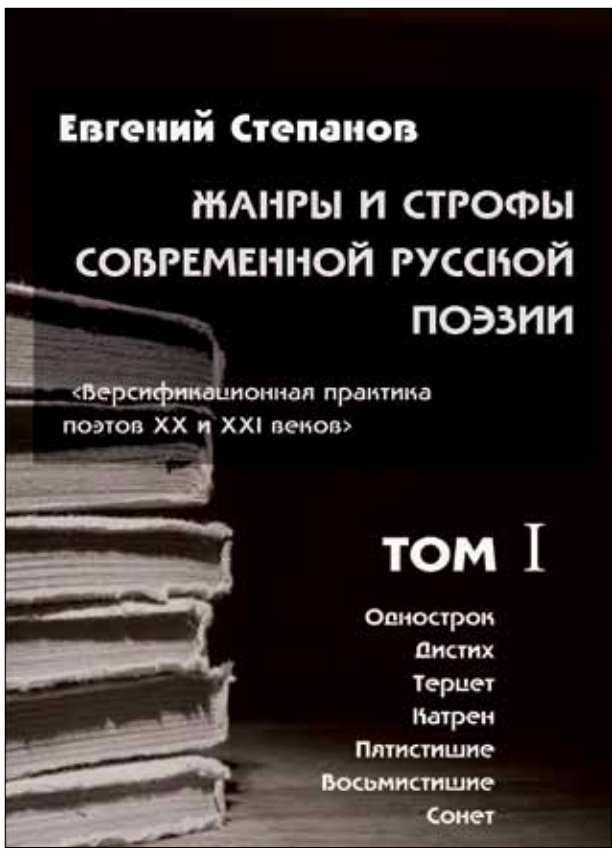
Она изменится едва ли,
Ее пристрастия видны.
И тридцать лет в одном журнале,
Как Сталин у руля страны.

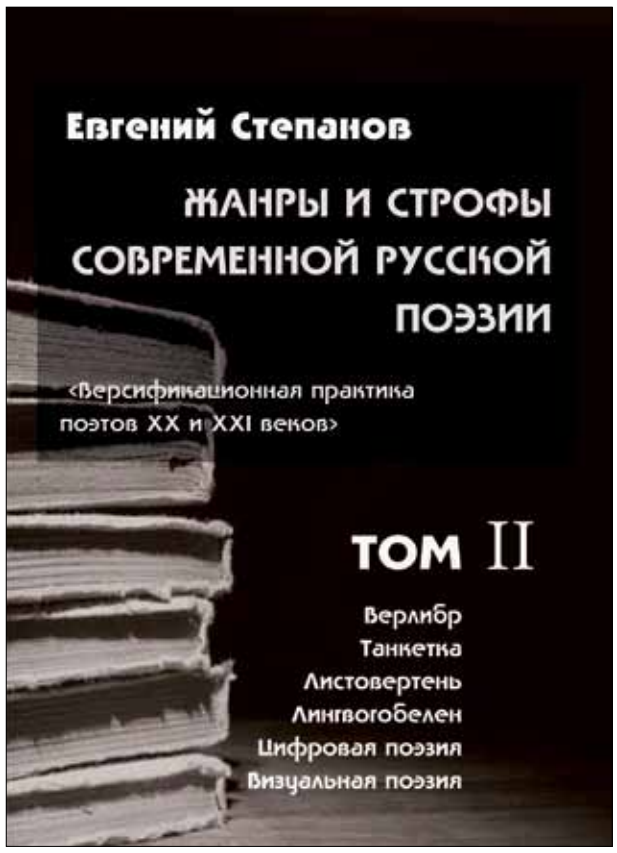
В то же время в этом разделе есть тексты, которые скорее можно отнести к «посвящениям» (например, интересные тексты Юрия Беликова).

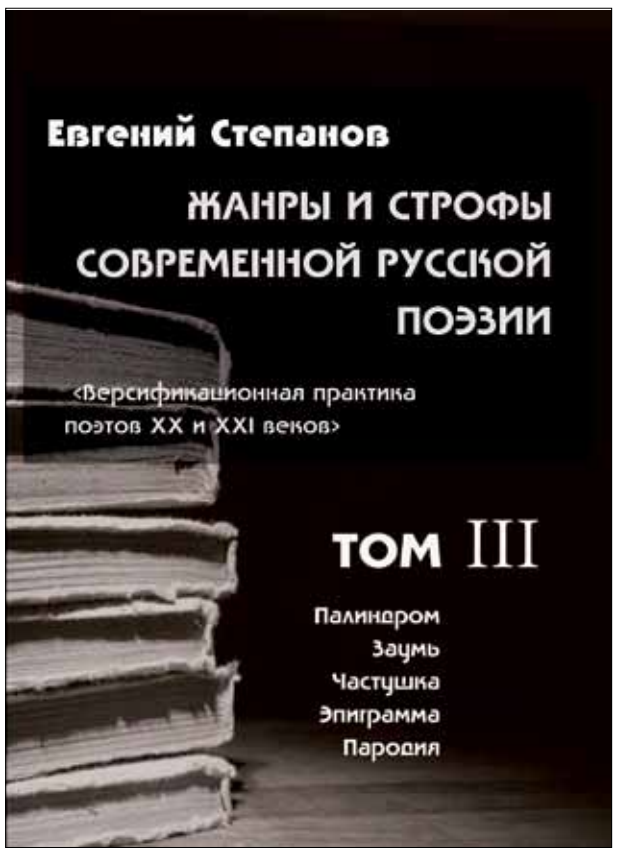
Е. В. Степанов обращается и к различным поэтическим формам, которые появились в недавнее время. Ряд из них имеет конкретное авторство, например, листовертни Дмитрия Авалиани или лингвогобелены Вилли Мельникова. Любопытен раздел цифровой поэзии, в том числе актуализацией поиска такого мегаавтора, как Александр Кондратов. Забавно, что определение «цифровая поэзия» на сегодня имеет по крайней мере два значения. «Цифровая», то есть с использованием цифр, и «цифровая» в смысле «дигитальная» (на Западе есть ряд работ, посвященых как раз дигитальной поэзии).

Я хочу сказать, что эта работа интересна еще тем, что она находится на острие современных поисков. Здесь еще нет устойчивости, многое довольно зыбко, находится в становлении. И то, что ведется поиск на такой колеблющейся почве, может быть только плюсом изыскателю.

Сергей БИРЮКОВ,
доктор культурологии







ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ. Жанры и строфы современной русской поэзии
это стиховедческие статьи автора о поэтических жанрах,
а также примеры из творчества наших талантливых современников

ТАКОЕ ИЗДАНИЕ *ДОЛЖНО* БЫТЬ В ВАШЕЙ БИБЛИОТЕКЕ!

Спрашивайте в магазинах «Москва», «Озон», МДК на Арбате, «Фаланстер», а также в интернет-магазине www.litlavka.ru. Справки по телефону: (495) 971 79 25

ИРИНА ГОЛУБЕВА
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВОДЫ

* * *

Опустошение. Пустошь-бор. Забытый маршрут
в городе, стекающем по обрыву к узкой реке.
Как там живут? – теперь думаю, – и ждут, и мрут?..
Катают детей на единственном в небе облаке,
акварелью раскрашенном в книжке. Еще животные
в энциклопедии, в джунглях. Вглядываюсь: парапет,
нас разделяющий, рассыпается в прах, и вот тебе –
прошлое мигает фарами и включает ближний свет,
тянет, притягивает, словно земля намагничена
на тех берегах, ведет, как слепых поводырь.
Мы это, мы!.. Или что-то неопределенно-личное
с точки зрения воды.

ЕВРЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

Не твоя закипает кровь во мне – не твоя.
Не твои целовала руки и знала – в последний раз.
Ничего общего – ни в разрезе глаз, ни в напеве.
Отчего ж так темно и так горько сейчас?
По статье какой? (Догадалась.) По пятьдесят восьмой.
Где лежит весь год, да за годом год, божьей карой снег.
Не была я там, не жила тогда, но Боже мой,
та иная кровь пополам со слезой в свой зовет ковчег.
Так нечаянно, неожиданно, спотыкаясь на
выговоре, не дворовом, не радостном – не моем,
распевается скрипка, и тянется небо до окна.
Не твоя кровь во мне, но мой ангел в сердце твоем.

СМЫСЛ

Значит смысл – не в событиях, а в тишине,
обволакивающей их,
в светлом оплакивании роли, однажды выстраданной…
Так, наверно, не знаю, помнится на войне
абсолютно счастливый день – без единого выстрела.
Значит смысл – не в письме, а в легком нажиме пера
в тех веках, где меня и не было,
в легком дожде крепдешина танцующих до утра
на легких верандах под небом в акациях – мне бы так!..
И, стало быть, суть не в литой цепи, а в одном звене –
вот неразрывность, найдут археологи, выкопают!
Может, и дом наш, уже приближенный к тишине,
выпорхнул и исчезает пионерским вымпелом,
а конечная точка – только начало парения.
Вихрь, ломающий стрелки компаса и стирающий полюса,
выталкивает в бездну большого времени,
где тишина разложена на голоса.
И наверное, эти длинные строки,
выбивающиеся из ритма, как прядь
из косы, русой, красиво убранной,
лишь приоткроют неисчерпаемое, и опять
обнаружится смысл в долгожданном морозном утреннике.
Как прекрасны мелодии – те, что пока не слышны!
Жизнь – не реклама темпа, нажми на «паузу»!
И вознесется огромный букет тишины,
приглушив фейерверки новогоднего праздника.

ЯПОНСКИЕ ХУДОЖНИКИ

Мы согревали зиму своим дыханием,
а летом не могли выбраться из долготы дня,
и казалось – ничто не разрушит здания,
созданного воздухом для тебя и меня.
А когда мир сужался до щелочки,
и отрывной календарь замирал на одном листке,
мы добавляли в холст больше нитей шелковых
и пили чуть более крепкий саке.

АЛЕКСЕЙ ЧЕРНЕЦ
В ЭПОХИ ПЕРЕХОДНЫЕ

* * *

Солнечный Сухум... А помнишь те
Этажи, прошитые навылет?
Гонит море точки огневые
К роковой береговой черте,

За которой все, что не сбылось,
Все, чему эпохи не преграды,
Отлегло и снова улеглось
Донным прахом Диоскуриады.

Тень былых ли, нынешних руин
Защитит от зноя, а в придачу
Вспомни: приглашал к себе на чачу
Коренной сухумский армянин.

Рассказал про первую войну,
Выписку и беженцев волну
(Так еврей немыслим вне исхода).

Горько, но лишь в свете катастроф
Разглядишь основу всех основ,
Что зовется памятью народа.

ПАМЯТНИК НА ПУШКИНСКОЙ

Где-то отложилось: не сложилось,
Ни себе, ни месту не хозяин –
Замер, словно пулей уязвленный.
Вот юнец выказывает живость:
Пиво жрет, гогочет – рот раззявил.
Был и я такой, пацан зеленый.

Я резвился, заходились в пляске
И слова, и бабы, и устои...
Ну, чего ты, олух, пялишь зенки?
Ни застоя, ни отстоя, ни отмазки –
Быть старайся вечности достоин!

С воплями на станцию подземки
Драпанул стремглав. А мне – ни шагу!

Дух томится, и сомненье гложет:
Бог мой, не отмщенье ли даруешь?
Плащ да шляпа... Эй, перо и шпагу!
Времена не те, конец все тот же:

Бог мой, не прощенье ли даруешь
Гению, Судьба кому не ровня?
Свечерело. И манящ, и знобок
Блеск Тверской. Редеют экипажи.
Я пройду над бездной, обескровлен,
Оглянусь, смиренен и не робок,
На врата с архангелом на страже.

СНЕГ

Метнешься юркою полевкою –
Гордись потом повадкой рысьей...
Отполовиненное легкое
Не тщась до целого домыслить,

Бессчетно сделаешь затяжек
До дыр додуманным свершеньям.
«Да ладно», – сын-подросток скажет,
Жена украдкой чмокнет в шею

И с круглым бременем подкатит:
«Потрогай, скачет прям, как заяц!»
А я, понятно – хватит, хватит –
Я занят, занят, занят, занят...

Мне три статьи грошовых выжать,
С подростком по душам, как следу...
Лекарства не забыть, и выжить,
Начать и снова до востребо...

Строку задвинуть в долгий ящик,
Метнувшись, вырваться из круга
И превратиться в снег летящий...

Ни звука! –
Когда беспомощны преграды
Под зябкой призрачной ладонью,
Когда и дышится, как надо –
С любовью.

СКАЗКИ

Сказки эти расскажешь после,
У окна под звезднющим небом –
Чай в граненых, ириски вроссыпь,
Аскетичная в доску мебель.

Потому что по высшей мере
Преисполнена прошлым память,
И винтажный сердечный плеер
Притормаживает, но тянет
На крутую промветки насыпь,
Что прошила колок сосновый –
Замереть, ухнуть вниз по трассе
На равнину с крутого склона!

Мы, конечно, швейцарий-австрий
Альпы знали, крутили глобус
И в житейском своем пространстве
хохотали в глуши сугробов.

Выкарабкивались и лезли
И порою ломали лыжи...
За штрихкодовым редколесьем
Этот образ мне сердце выжег.

Мы карабкались мертвой хваткой
И с такой несказанной ложью...
Сказка вышла предельно краткой,
Но свою ты расскажешь позже.

МОЛИТВА

Не считай во тьме ступени –
До азов иди на зов.

Вертикального томленья,
Загляни за горизонт.

То трепещет белый парус,
То грозы глобалит звук.

С ветром что-то в глаз попало,
Провоцируя слезу.

И слеза, что Бог приметил,
Докатилась до души
И впиталась, чтобы ветер
Не извел, не иссушил.

ВЛАДИМИР НОВИКОВ
НЕПОБЕДИМОСТЬ РАССВЕТА

ПРОЕЗДОМ. КЛЯЗЬМА

Дрезна проносится речушкой
В застывших брызгах под мостом,
Неброской, смирною церквушкой
Опять беременной постом.

Внезапно чуть не на полнеба
Старинной фабрики фасад,
Где колер тот же красно-белый,
Что и в эпоху баррикад.

А у окна напротив тетка
Достала спрайт и колбасу,
И с внуком-школьником в охотку
Жуют и смотрят на красу

Былых Морозовских радений,
Что пролетают за мгновенье
Под встречной электрички пенье,
Пока гудок и сотрясенье.

И снова долы в чистых красках
Так выразительно милы,
Как будто катимся в коляске,
Допустим, Пушкинской поры.

А Клязьма — слева за кустами,
С плотвой и тиною на дне.
И ей обязаны мы с вами,
Пожалуй, больше, чем родне.

* * *

У нас, у женщин, волос длинный,
А ум зато, сынок, короткий...
Ах мама, мама, ведь былинный
Из добрых дел твой образ соткан.

Ты в долг давала без отдачи
Из скудной пенсии своей,
И каждый встречный что-то значил,
Ненужных не было людей.

Без уваженья относиться
Ты даже к кошкам не могла,
Привыкшим всей гурьбой носиться,
Когда с едой к калитке шла.

Была проста ты — в это верю,
А ум короткий — вот уж нет.
И горше не было потери,
Когда погас твой мудрый свет.

Есть много умных, да не званых,
Расчет холодный в них сквозит.
Нездешним светом осиянна,
Меня душа твоя хранит!

В ПАРКЕ КУСКОВО

Асфальт потрескан кое-где,
Не так уже и жарко.
С дроздом я здесь наедине,
В одном Московском парке.

Посмотрит сбоку и поскок —
Опять схватил козявку,
Что листья объедают впрок, —
Малявка на малявке.

И снова смотрит на меня:
Мол, оцени, как ловок!
А рядом сцепками звеня
Вагоны едут с горок.

И электрички в ветерке,
Днем пробегают шустро, —
Минут пятнадцать налегке,
И я уже на Курском.

Ну, что, дружок, ты мне сказать
Хотел перед уходом,
Что долг столицы охранять
В твоем лице природу?

Да нет, скорей наоборот:
Природа охраняет,
И что мы, без ее щедрот
Собою представляем?

И всею живостью своей,
Как будто тонкой нитью,
Надежду вплел ты в птичью трель
В божественном наитье.

* * *

Вот шест, прилаженный к сараю,
И ящик серый в вышине,
И нас совсем не удивляют
Скворца хлопоты по весне.

Так деловито обновленье,
И сам он — бодрости заряд;
Как бы само собою пенье
И мы живые все подряд.

Стоим у грядок с льнущей кошкой —
Жена, дочурка, мама, я;
Решаем, где сажать картошку,
Тянуть веревки для белья.

* * *

Горы алмазного света
Утром в дымящей росе,
Непобедимость рассвета
В густеющей бирюзе.

Может — вот так же — и рая,
Будет украшен портал,
Чтоб этот свет покидая,
Грусти не испытал...

* * *

В Переяславль от Берендеева,
Вдыхая запах листьев клейких,
Торфяник оставляя слева,
Верст семь идти узкоколейкой.

Уже под вечер близ опушки,
Костер пожарче разложил,
И звездам за дерев верхушки
Призывно мой огонь светил.

В тепле, конечно же, уютней
Вести с мирами разговор,
Я не один настроил лютню —
Мне подпевал созвездий хор

И искры в высь взлетая споро
И исчезая в темноте,
Здесь, на краю сырого бора,
Напоминали о тщете.

Но как-то не было печали
На это мысль свою будить,
А лишь — какие видел дали,
И как ночлег соорудить.

* * *

Узкоколейка к торфяникам, елочки,
Дышит весною каждая пядь.
Зелень и небо — все будто с иголочки,
Ах, не вперед бы, а в юность шагать.

И ничего бы не знать о трагедиях,
Что захлестнули свихнувшийся мир.
Про потрошителей энциклопедию,
Как трансвестиста целует вампир.

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

Союз писателей XXI века

Союз писателей XXI века — новая современная писательская организация, идущая в ногу со временем и отвечающая потребностям творческих людей

СТАНЬ ПИСАТЕЛЕМ своего ВЕКА!

ТЕЛ. ДЛЯ СПРАВОК: (495) 978-62-75

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Союз писателей XXI века создан в январе 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

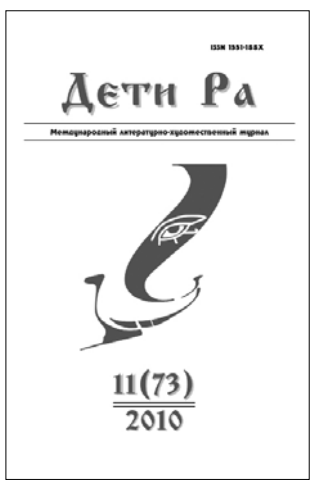
Президент Союза писателей XXI века — поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Союз писателей XXI века — общественная организация, объединяющая современных писателей из разных стран, налаживающая переводческие контакты, содействующая членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Крещатик», «Зинзивер», «Футурум АРТ», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), альманахи «Илья», «Другие», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего Интернет-портала «Читальный зал».

Каждый член СП имеет собственный персональный сайт.

Союз писателей XXI века — некоммерческая организация, которая существует за счет взносов и пожертвований.



Тел. для справок: (495) 978 62 75
Сайт: www.writer21.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАГАЗИН WWW.LITLAVKA.RU

В нашем Интернет-магазине Вы можете приобрести книги по ценам издательств без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.: (495) 971 79 25

Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес: 109193, г. Москва, ул. 5-я Кожуховская, д.13
Банк: ОАО «Банк Москвы» г. Москва
ИНН / КПП: 7723339052 / 772301001
Расчетный счет: 40702810800670000380
БИК: 044525219
Корр. Счет: 30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — Степанов Е. В.

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг» предоставляет услуги в области перевода на английский и немецкий языки:

- **Редактура и перевод текстов рекламных материалов и выступлений официальных лиц;**
- **Подготовка и презентация различных отчетов для руководства международных компаний и корпораций;**
- **Разработка уставов, положений, регламентов и процедурных вопросов для компаний и корпораций;**
- **Написание новостных блоков по продвижению и продаже продукции;**
- **Подготовка финансовой и правовой аналитики, разработка бюджетов;**
- **Преподавание техник проведения и прохождения интервью, технических навыков, теории и практики продаж, ораторских навыков, подготовки и ведения презентаций.**

В нашей компании работают профессионалы самого высокого уровня, носители языка.
Тел. для справок: : (495) 971-79-25

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 7 литературно-художественных журналов, газету «Литературные известия» и поддерживает 15 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства (и других издательств) в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Киева и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Олеся Николаева, Тимур Кибиров, Петр Образцов, и многим другим.

Успешно функционирует разработанный ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт».

Мы сберегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

Газета Союза писателей XXI века
и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com)
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы
www.poetograd.ru,
http:/ / poetograd1.livejournal.com,
http:/ / www.facebook.com/ poehtograd.vestkonsalting
Общественный совет
Лео Бутнару (Румыния), Арон Гаал (Венгрия), Светлана Дион (Испания), Станислав Пенев (Болгария), Нелли Пигулева (Болгария), Константин Кедров (Москва), Дмитрий Цесельчук (Москва)
Главный редактор
Наталия Лихтенфельд
Заместители главного редактора
Владимир Коркунов, Фёдор Мальцев
Шеф-редактор
Евгений Мелешин
Заместители шеф-редактора
Василий Манулов, Сергей Киулин
Литературный редактор
Ольга Денисова
Компьютерная верстка
Глеб Пузыревский
Отдел рекламы и связей с общественностью
Ирина Горюнова
Интернет-версия
Максим Жуков, Николай Баринов, Наталия Лихтенфельд